

Вэнь Цяньхэ не решался включить телефон. Ноги словно налились свинцом — каждый шаг давался с огромным трудом.

Он был напуган до смерти, буквально не находил себе места, а в голове раз за разом прокручивался позорный спектакль года. Когда они с Чжоу Тинъюнем предавались любви, тот и впрямь обожал снимать всё на телефон. Цяньхэ горько жалел, что не остановил его тогда. В те моменты Тинъюнь был невероятно нежен, он так искусно притворялся, что заставил поверить: Тинъюнь — это чудо, сошедшее с небес.

Цяньхэ даже смирился с тем, что влюбился в мужчину. Но он и подумать не мог, что всё закончится предательством, да ещё и подлым шантажом.

Если эти снимки станут достоянием общественности, он просто не будет знать, как жить дальше. Как на него посмотрят однокурсники и преподаватели? В университете ему точно не останется места. Но страшнее всего — как смотреть в глаза родителям, для которых он всегда был гордостью...

Вэнь Цяньхэ считал себя неплохим человеком: всегда уступал место в автобусе, мог отдать последние деньги на обед нищему старику. Почему же в университете, когда он захотел искренней любви, ему встретился этот лживый мерзавец? Мало того что поматросил и бросил, так теперь ещё и жизнь пытается сломать.

Стоило ему отворить дверь в комнату общежития, как трое уставились на него с плохо скрываемым сомнением.

Тот миг первобытного ужаса он не забудет никогда. Страх впился в самую подкорку, и даже спустя годы, когда время сгладит острые углы, воспоминания заставят его замирать, а волосы на теле — вставать дыбом.

Он помнил, как онемел настолько, что не мог разжать кулак, как подгибались колени, а слова застревали в горле:

— Вы... вам... приходило что-нибудь? Какие-нибудь сообщения?

Староста общежития, Хуа Цинъюань, удивлённо приподнял бровь:

— А, куратор тебя искал. Дозвониться не мог. Ты чего сегодня так поздно, в клубе завалили работой?

Вэнь Цяньхэ стоял как в тумане, не в силах вымолвить ни слова.

Видя его состояние, Хуа Цинъюань поднялся и махнул остальным:

— Эй, вы двое, занимайтесь своими делами, нечего пялиться.

Он подошёл к Цяньхэ и вывел его на балкон.

— На самом деле, в этом нет ничего такого. Нам всё равно, зря ты так это скрываешь.

Цяньхэ покачнулся, перед глазами всё поплыло. «Всё, — пронеслось в голове, — это конец». Чжоу Тинъюнь, этот подонок, всё-таки сделал это. Ни капли жалости, ни капли совести.

— Куратор сегодня говорил насчёт студенческого кредита, — продолжал староста. — Я только сейчас узнал о твоём семейном положении. И насчёт пособия не переживай, я обязательно помогу тебе с заявкой. Не надо так убиваться, Цяньхэ, в бедности нет ничего постыдного.

Хуа Цинъюань решил, что парень просто уязвлён в своей гордости, и попытался подбодрить его:

— Вэнь Цяньхэ, никто не волен выбирать, в какой семье родиться, но мы сами куём свою судьбу. Мы можем обеспечить достойное будущее своим детям. Кто бы не хотел родиться с золотой ложкой во рту? Но ты и так молодец, мы все тебя уважаем. Ты талантлив, и впереди тебя ждёт блестящее будущее. Нынешние трудности — лишь временная преграда, которую ты преодолеешь сам.

Понимая, что его речь звучит как дешёвая мотивация из соцсетей, староста добавил:

— Послушай моего совета...

— И это всё? — перебил его Вэнь Цяньхэ.

Хуа Цинъюань окончательно растерялся:

— Ну... да. А что, есть ещё какие-то проблемы? Ты скажи, если что, братья всегда помогут, на произвол судьбы не бросим.

По сравнению с угрозами Чжоу Тинъюня, проблемы с деньгами внезапно показались мелкими и даже... радостными.

Душа Вэнь Цяньхэ, зажатая в тиски ужаса, наконец-то вырвалась на свободу. На глаза навернулись слёзы облегчения:

— Спасибо тебе, староста. Я запомню твои слова.

— Да брось ты. Если возникнут трудности — не таись.

— Нет никаких трудностей, всё хорошо.

Чувство чудесного спасения было настолько пьянящим, что даже голос его зазвучал непривычно бодро:

— Ты прав. Мы не выбираем рождение, но мы можем изменить свою жизнь.

Староста почувствовал прилив гордости: кажется, он только что спас замкнутого юношу от депрессии. Не зря, ох не зря он читал все эти воодушевляющие цитатки. Сработало!

Следующие несколько дней Вэнь Цяньхэ не высовывал носа из комнаты. В клуб он не ходил, на телефон даже не смотрел. Всем знакомым он объявил, что мобильник сломался и находится в ремонте, так что беспокоить его не стоит.

Приближался конец семестра — время, когда студентов не видно и не слышно за горами учебников. Наступила экзаменационная неделя. Говорят, если с факультетом повезло, сессия будет похлеще ЕГЭ. Цяньхэ не повезло: он выбрал юриспруденцию. Объём материала для заучивания был колоссальным. В эти две недели в комнате стояла небывалая тишина: даже заядлые геймеры отложили мышки и вгрызлись в гранит науки. Всем нужно было набрать хотя бы заветные шестьдесят баллов — ни баллом больше, ни баллом меньше, иначе пиши пропало.

В этом семестре предстояли экзамены по уголовному праву и теории права. Преподаватель не стал ограничивать круг вопросов, так что Вэнь Цяньхэ с упоением штудировал толстенный том.

Соседи по комнате не знали о его отношениях с Чжоу Тинъюнем, но Го И был в курсе. Спустя пару дней он заглянул к ним, чтобы спросить, почему Цяньхэ пропал из клуба. Труппа собиралась устроить вечеринку в честь окончания семестра, а Цяньхэ не отвечал на сообщения и держал телефон выключенным. Когда Го И попытался спросить Тинъюня, тот просто бросил трубку. Интуиция подсказывала главе клуба, что между ними что-то произошло.

— Я не пойду, — отрезал Цяньхэ.

Го И заметил, что остальные ребята в наушниках и поглощены зубрежкой, поэтому подошёл ближе и прошептал:

— Вы что, поссорились?

При одном упоминании этого имени Вэнь Цяньхэ почувствовал тошноту. Сложно было описать словами его состояние, но стоило кому-то затронуть эту тему, как в памяти всплывали все глупости, которые он совершил. Каждое воспоминание жгучим стыдом напоминало о том, каким идиотом он был, позволяя водить себя за нос.

Го И, видя его лицо, окончательно утвердился в своих подозрениях.

— Слушай, мелкие размолвки — это нормально. У молодого господина Чжоу характер не сахар, он парень вспыльчивый. Вот пару дней назад Е Цю случайно задел его телефон, так этот красавчик отвесил ему несколько пощёчин прямо при всех.

Е Цю — тот самый парень, который застукал их за поцелуем.

«Чжоу Тинъюнь, собака ты сутулая... Одного поля ягоды, все мастера руками махать», — подумал Цяньхэ. Он был несказанно рад, что провёл с этим мерзавцем меньше четырёх месяцев и так быстро разглядел его истинное лицо.

— Мы расстались, мирно и окончательно. Больше не упоминай о нём.

Для Го И эта новость была неожиданной, но вполне логичной. Тем не менее он всё ещё пытался примирить их, ведь оба состояли в одном клубе, и такая напряжённость ставила его как руководителя в неловкое положение.

— Ну, характер у него скверный, это да, но человек-то он незаурядный. Мне казалось, к тебе он относился совсем иначе, чем к остальным. Он правда тебя любил.

«Правда любил водить меня за нос», — злился про себя Цяньхэ. Ему хотелось сорвать маску с этого лжеца.

— «Иначе, чем к остальным»? Го И, ты что, всё знал? — он гневно посмотрел.

Поняв, что сболтнул лишнего, Го И попытался пойти на попятную:

— Да нет, я его не особо знаю... так, слухи. Но я же видел, как он с тобой носился. Он никого и никогда с собой не брал, только тебя.

— Если ты ещё считаешь меня другом, говори правду. Или убирайся отсюда.

Мало ему было вранья Чжоу Тинъюня, так ещё и единственный человек, которого он считал в университете настоящим другом, участвовал в этом заговоре молчания. Это по-настоящему взбесило Цяньхэ.

Го И, видя, что дело принимает серьёзный оборот, признался:

— Ладно, Чжоу Тинъюнь и впрямь тот ещё ходок. До того как ты поступил, он был главной звездой города: менял парней как перчатки, чуть ли не каждый месяц новый. В гей-тусовке его

каждая собака знает. Потом ему, видать, наскучило, стал задерживаться с кем-то подольше.

Цяньхэ стиснул зубы, стараясь не повышать голос из-за соседей:

— Почему ты не сказал мне раньше? Тебе не кажется, что он просто мошенник?

— Да это когда было-то! Я думал, он исправился. Когда он просил меня помочь ему завоевать тебя, он выглядел таким влюблённым, клялся, что ты — тот самый единственный.

— Значит, он всё-таки гей? — Цяньхэ внезапно осознал ещё одну деталь.

— Ну конечно! Иначе зачем бы он за тобой бегал?

«И то верно». Как он мог верить словам Тинъюня о том, что тот никогда не интересовался мужчинами, а «сломался» только из-за него? Каким же он был наивным дураком.

— Слушай, — добавил Го И, — такие нежные и миловидные «одуванчики», как ты, в этих кругах на вес золота. Хорошо, что ты сам в тусовку не лезешь.

Вэнь Цяньхэ отрезал:

— Я не «одуванчик». Я натурал.

Го И едва не опрокинул стул от изумления:

— Мать твоего... Так это ты молодого господина Чжоу оприходовал?!

Цяньхэ побледнел и испуганно покосился на соседей. Убедившись, что те не отвлекаются от учёбы, он вклеил Го И учебником по спине и выставил за дверь:

— Вали отсюда! Если он пойдёт на вечеринку — ноги моей там не будет.

Го И, цепляясь за косяк, пролепетал:

— Да он, скорее всего, не придёт. Он в клубе вообще перестал появляться.

Цяньхэ замер у двери:

— Ладно. Тогда после последнего экзамена я приду к вам.

Го И радостно вскинул кулак вверх и ушёл.

Чжоу Тинъюнь действительно пропал с радаров. Он не рассылал фотографии, не присылал людей. Это лишь подтверждало одно: игрушка надоела, интерес пропал.

На душе было паршиво. Все эти дни страх из-за возможных снимков заглушал боль, но теперь он в полной мере ощутил горечь расставания. Глупая история, классический поддон с обложки — полный набор.

В этом мире не так уж много людей по фамилии Чжоу с именем Тинъюнь, и встретить одного из них было непросто, а быть вместе — почти невозможно. О таких юношеских мечтах лучше забыть раз и навсегда.

Вэнь Тинъюнь — ускользающее видение, мираж человеческого мира.

Сессия прошла успешно. На вечеринке клуба Чжоу Тинъюня и впрямь не было — похоже, он и думать забыл, что когда-то состоял в этом кружке.

Начались каникулы. Вэнь Цяньхэ подал заявление на проживание в общежитии летом. Днём он раздавал листовки, вечером подрабатывал репетитором, а по ночам трудился в закусочной.

Ему нужны были деньги, но заработанного катастрофически не хватало.

Раздача листовок приносила 25 юаней в час. В хорошие дни удавалось поработать часов шесть-семь, в плохие — всего пару.

В центре репетиторства платили 50 юаней в час. Он работал там с шести до девяти вечера, и бонусом шёл бесплатный ужин.

В ночную забегаловку он приходил поздно, поэтому получал фиксированные 60 юаней за смену до трёх часов ночи.

В сумме выходило максимум 385 юаней в день, и это был адский труд. Несколько раз по дороге домой он засыпал на ходу, едва не попадая под машины. Но постепенно он привык к такому ритму.

Раздавая листовки в разных концах города, он почти не встречал знакомых. А если и видел кого-то издали, ловко скрывался в толпе. Но ночная закусочная находилась недалеко от кампуса, и иногда туда заглядывали однокурсники, не уехавшие домой на лето. Встреч с ними было не избежать.

К счастью, студенты Университета А были людьми воспитанными и понимающими. Некоторые,

решив, что он работает за процент от продаж, заказывали горы еды. Радовался только хозяин, а Вэнь Цяньхэ, обливаясь потом, бегал между столиками, измотанный как собака.

Именно тогда он осознал, какую власть имеет привлекательная внешность. На всей улице, забитой шашлычными и забегаловками, только его заведение каждый вечер было забито до отказа, причём основную массу клиентов составляли девушки.

У Вэнь Цяньхэ были изящные, длинные пальцы, и каждый раз, когда он подавал блюдо, девичьи взгляды невольно прикипали к его рукам. Однажды из-за этого чуть не подралась парочка. Бывали и те, кто предлагал доплатить, лишь бы он составил им компанию за ужином — разве что слово «содержанец» вслух не произносили.

Цяньхэ лишь диву давался тому, как безумен этот мир, помешанный на красоте. Это вызывало у него лишь брезгливость.

Хозяин закуской души в нём не чаял и даже уговаривал бросить репетиторство, обещая тройную ставку, если Цяньхэ будет приходить пораньше. Но тот дал слово отработать два месяца и не мог подвести людей.

Слухи разлетались мгновенно. Вскоре весь университет знал, что Вэнь Цяньхэ с первого курса юрфака подрабатывает в ночной забегаловке, и из-за его красоты там яблоку негде упасть. Именно тогда к нему и приклеилось звание «первого красавца» Университета А.

В тот период школьные форумы, чаты и ленты соцсетей пестрели сообщениями:

«Красавчик из Университета А: сам зарабатывает на учёбу, достойный пример!»

«Девочки, видела сегодня его в кафе, он так нежно улыбается! Кто завтра со мной?»

«Зашла поглазеть на легендарного официанта!»

Стена признаний Университета А ежедневно пополнялась новыми посланиями в его адрес. Вэнь Цяньхэ читал это с горькой усмешкой. Раньше на него просто иногда оборачивались на улице, но чтобы дошло до такого безумия...

Он стал по-настоящему популярен. Желающих добавить его в друзья было столько, что телефон приходилось просто выключать, чтобы обрести хоть каплю покоя.

<http://bllate.org/book/17446/1649639>